

Фет все время избегал решающего объяснения. «Я ясно понимал, что жениться офицеру, получающему 300 руб. из дому, на девушке без состояния, значит необдуманно или недобросовестно брать на себя клятвенное обещание, которого не в состоянии выполнить»¹.

Душу Фет изливал в письмах тому же Борису: «Я не женюсь на Лариной, и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мной чище снега — прервать не деликатно и не прервать не деликатно — она девушка — нужно Соломона»².

«Несчастный гордиев узел любви» разрубила судьба. Летом или осенью 1850 года Лазич умирает от ожогов в страшных мучениях со словами: «Он не виноват, — а я». Был ли то несчастный случай или замаскированное самоубийство — никто никогда уже не узнает.

Эта трагедия десятилетия будет отзываться в фетовских стихах. Но в низкой действительности он твердо помнит, что жить надо будущим, а жалеть о прошлом бесполезно. «Смерть, брат, хороший пробный камень. Но судьба не могла соединить нас. Ожидать же подобной женщины с условиями ежедневной жизни было бы в мои лета и при моих средствах верх безумия. Итак, идеальный мир мой разрушен давно. Что же прикажешь делать? Служить вечным адъютантом — хуже самого худа; ищущую хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга. Если мне удастся устроить это дело — к черту все переводы в Петербург, засяду в деревне стричь овец и доживать свой век. Если никто никогда не услышит жалоб моих на такое непонимание друг друга, то я буду убежден, что я исполнил свою обязанность, и только»³. Однако и вполне прозаическое желание «найти где-нибудь мадмуазелю с хвостом тысяч 25 серебром»⁴ кончается неудачей.

В начале 1850 года выходит давно подготовленный второй сборник стихов, о нем одобрительно пишут критики «Отечественных записок», «Современника», «Москвитянина». Фет получает очеред-

ной чин (штаб-ротмистра), болеет тифозной горячкой и ревматизмом, ездит в отпуск, участвует в царском смотре. Но внешние изменения ничего не меняют в его самочувствии: жизнь кажется застывшей в неподвижности. «Я могу жизнь свою сравнить только с грязной лужей, которую лучше не трогать ни описаниями, ни воспоминаниями, а то сейчас завоняет. Никогда еще не был я убит морально до такой степени. Просто живой мертвец. Самые страдания мои похожи на удушье заживо схороненного»¹.

Напрасно!

Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан
всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренно горько я плачу,
Напрасно.<...>

Не нами

Бессилье изведено слов к выраженью
желаний.
Безмолвные муки сказались людям веками,
Но очередь наша, и кончится ряд
испытаний

Не нами.

(«Напрасно!..»)

Удача приходит тогда, когда ее уже перестают ждать. В 1853 году столица вдруг приближается. Фета переводят в гвардейский уланский полк, который стоит в Новгородской губернии, но на летних сборах располагается в Красном Селе. Возникают новые литературные и журнальные связи, происходит знакомство с Тургеневым, Некрасовым, Толстым. В кругу «Современника» Фета признают за своего, много печатают и восхищаются.

В 1856 году при деятельном участии Дружинина, Некрасова, Толстого и прежде всего Тургенева, который принял на себя роль ментора и главного редактора, внося в уже опубликованные тексты множество исправлений, выходит новый сборник стихотворений. Потом поэт жаловался, что «издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным»², но фактически авторизовал тургеньевские исправления, не возвращаясь более к первоначальным вариантам.

Большой поэтической славы он уже не узнал.

«Что Вы мне пишете о Гейне? Вы вы-

¹ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 424.

² Письмо от 1 июня 1849 г. // Литературная мысль. Вып. 1. С. 220.

³ Письмо И. П. Борису, октябрь 1850 г. // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 199.

⁴ Письмо И. П. Борису от 30 декабря 1851 г. // Литературная мысль. Вып. 1. С. 228.

¹ Там же. С. 227.

² Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 105.